

Дукорский В.В.^{1,2} ✉, Зайцева Л.Л.³, Остянко Ю.И.², Скугаревский О.А.¹

¹ Белорусский государственный медицинский университет, Минск, Беларусь

² Государственный комитет судебных экспертиз Республики Беларусь, Минск, Беларусь

³ Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь

Моральный вред, причиненный преступлением, или психическая травма? (анализ позиции судей)

Конфликт интересов: не заявлен.

Вклад авторов: концепция исследования и написание текста – Дукорский В.В.; редактирование – Зайцева Л.Л.; разработка дизайна исследования – Остянко Ю.И.; постановка проблемы – Скугаревский О.А.

Подана: 17.12.2024

Принята: 23.01.2025

Контакты: vl.dukorsky@tut.by

Резюме

В настоящей статье представлены мнения судей о правовой категории «моральный вред» и проблемах ее использования для защиты прав потерпевших от преступлений. В анонимном анкетировании по данному вопросу принял участие 141 судья из всех регионов Республики Беларусь. Результаты анкетирования показали, что в соответствии с их практическим опытом значительная часть потерпевших от насильственных действий самостоятельно не заявляют иски о компенсации морального вреда. При этом часть опрошенных представителей судейского сообщества видит необходимость совершенствования обсуждаемой правовой категории. Большинство опрошенных положительно относятся к внедрению специализированных тестовых методик для подтверждения опыта перенесенной «психической травмы», а также к введению с указанной целью инструментальных методов (айтрекинга). Кроме того, судьи поддержали идею создания специализированного фонда финансовой помощи потерпевшим (для оплаты психологической, медицинской, социальной, юридической помощи и иных расходов).

Ключевые слова: травма-информированная юридическая практика, потерпевший от преступления, вред, причиненный преступлением, психическая травма, моральный вред, судья

Dukorsky V.^{1,2} ✉, Zaitseva L.³, Ostianko Yu.², Skugarevsky O.¹

¹ Belarusian State Medical University, Minsk, Belarus

² State Forensic Examination Committee of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

³ Institute for Retraining and Qualification Upgrading of Judges, Prosecutors, and Legal Professionals at the Belarusian State University, Minsk, Belarus

Moral Damage Caused by a Crime or Psychological/ Psychiatric Injury? (Analysis of the Judges' Position)

Conflict of interest: nothing to declare.

Authors' contribution: research concept and writing – Dukorsky V.; editing – Zaitseva L.; development of research design – Ostianko Yu.; problem statement – Skugarevsky O.

Submitted: 17.12.2024

Accepted: 23.01.2025

Contacts: vl.dukorsky@tut.by

Abstract

This article presents the opinions of judges on the legal category of "moral injury" and the problems of its use to protect the rights of crime victims. 141 judges from all regions of the Republic of Belarus took part in an anonymous survey on this issue. The results of the survey showed that, in accordance with their practical experience, a significant portion of victims of violent acts do not independently file claims for compensation for moral damage. At the same time, part of the surveyed judicial community sees the need to improve the legal category under discussion. Most of the respondents have a positive attitude towards the introduction of specialized test methods to confirm "psychological/psychiatric injury", as well as the introduction of instrumental methods (eye tracking). In addition, the judges supported the idea of creating a specialized fund for financial assistance to victims (to pay for psychological, medical, social, legal assistance and other expenses).

Keywords: trauma-informed legal practice, victim of a crime, harm caused by a crime, psychological/psychiatric injury, moral injury, judge

■ ВВЕДЕНИЕ

Становление институтов гражданского общества и построение правового государства невозможно без обеспечения справедливого и эффективного восстановления нарушенных прав граждан. В настоящее время законодательный механизм компенсации потерпевшему его психических страданий реализуется с помощью правовой категории «моральный вред». Нормативно-правовое регулирование оснований для компенсации психических страданий (морального вреда) и трудности ее реализации обсуждались авторами настоящей статьи в ведущих правовых изданиях Беларуси: журнале Верховного Суда Республики Беларусь «Судовы веснік» [1], журнале Генеральной прокуратуры Республики Беларусь «Законность и правопорядок» [2], журнале Следственного комитета Республики Беларусь «Предварительное расследование» [3], а также журнале Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь «Судебная экспертиза Беларуси» [4]. Мнения судебных психиатров и

судебных психологов, а также прокуроров и следователей о категории «моральный вред» представлены в специализированном медицинском издании [5–7]. В настоящей работе изложен взгляд на данную категорию и перспективы ее совершенствования с позиции судей.

■ МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Судьям из всех областей Республики Беларусь была предложена для заполнения анонимная анкета, состоящая из вопросов, которые были посвящены отечественному механизму компенсации потерпевшим их психических страданий (морального вреда), причиненных совершенным в их отношении преступлением. Всего в анонимном анкетировании принял участие 141 судья. Исследуемая выборка специалистов состояла из 69 мужчин (48,9%) и 72 женщин (51,1%). Средний возраст респондентов – $43,6 \pm 8,3$ года ($M_o=50$, $Me=43,0$), средний стаж работы по специальности – $14,2 \pm 8,4$ года ($M_o=9$, $Me=13,0$). Исследование было поперечным, сравнительным. Метод исследования – анкетирование. Различия в частотном распределении внутри признака между группами оценивались с помощью критерия Пирсона χ^2 с использованием поправки Йейтса. Статистическая обработка данных производилась с помощью программного пакета статистического анализа Statistica 12.0.

■ РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Возможность возмещения морального вреда (психических страданий) достаточно давно закреплена в белорусском национальном законодательстве [1]. Самой распространенной причиной возникновения морального вреда является совершенное в отношении человека преступление. Особенно это касается насильственных преступлений, когда риск развития психических расстройств наиболее значителен. Вместе с тем жертвы преступлений далеко не всегда заявляют иск о компенсации данного вида вреда. По мнению белорусских юристов-практиков, отечественный институт возмещения морального вреда, причиненного преступлением, до настоящего времени остается мало разработанным и недостаточно востребованным.

На вопрос о том, как часто на практике потерпевшие от насильственных преступлений (физической агрессии) самостоятельно заявляют иск о компенсации морального вреда, 8,5% судей ответили, что потерпевшие очень редко заявляют такой иск, 13,5% респондентов указали, что потерпевшие чаще не заявляют иск (чем заявляют), 22,7% опрошенных считают, что примерно половина потерпевших подает исковое заявление о такой компенсации. Только 19,5% судей указали, что потерпевшие от насильственных действий практически всегда заявляют иск о компенсации морального вреда, а 31,9% респондентов отметили, что потерпевшие чаще иск заявляют, чем не заявляют, – самый популярный ответ ($\chi^2=12,6$; $p<0,001$). Таким образом, суммируя все ответы судей, можно сделать вывод о том, что значительная часть потерпевших от насильственных преступлений (около трети) не заявляет иски о компенсации морального вреда.

Изменить ситуацию поможет внедрение травма-информированного подхода (ТИП) или подхода, учитывающего травму и насилие (ТНИП), – это система предоставления помощи людям, пережившим негативные последствия воздействия опасных событий. В настоящее время не существует единой системы или модели ТИП (ТНИП). Эти модели включают в себя целый ряд знаний, принципов и навыков.

ТИП может применяться во многих сферах, включая медицину, психологию, юриспруденцию, образование, культуру и межличностные отношения. Данный подход может использоваться как отдельными людьми, так и организациями. Частью ТИП и ТИЮП является травма-информированная юридическая практика (ТИЮП), представляющая собой подход к предоставлению юридических услуг, который учитывает потребности и опыт жертв насильственных действий. Наравне со следованием набору жестких юридических правил, ТИЮП требует от юристов развития такой практики, которая учитывает влияние психической травмы на всех этапах предоставления юридических услуг. При этом на протяжении всех этапов судебно-следственных действий приоритетом должны стать безопасность потерпевшего и восстановление его прав [8].

Следующий заданный судьям вопрос был о том, как часто родственники (или иные близкие люди) потерпевшего от насильственных действий заявляют иск о компенсации их собственного морального вреда (переживаний, связанных со страданиями их близкого, который является потерпевшим по уголовному делу). Значимо большее ($\chi^2=12,9$; $p<0,001$) количество респондентов (37,6%) ответили, что очень редко родственники потерпевшего заявляют искивые требования, 17,7% респондентов заявили, что близкие чаще не заявляют (чем заявляют) иск, 3,5% опрошиваемых ответили, что примерно половина потерпевших подает заявление о компенсации. Такое же количество судей (3,5%) указало, что родственники и близкие люди потерпевших заявляют иск практически всегда, 8,5% судей отметили, что родственники потерпевших иск чаще подают, чем не подают. Несмотря на столь низкую обращаемость родственников потерпевших от насилия за компенсацией, специалистам хорошо известно, что среди близких людей таких потерпевших достаточно распространена травма свидетеля (викарная травма, или вторичная травма), которая возникает у него в силу эмоционального вовлечения. По своей выраженности такая травма может соответствовать любому расстройству рубрики «Невротические, связанные со стрессом и соматоформные расстройства» МКБ-10, включая «Посттравматическое стрессовое расстройство» (ПТСР) [6, 7].

Далее следовал вопрос, который связан с привлечением потерпевшими от насильственных действий (физической агрессии) адвоката для защиты своих прав и законных интересов. По опыту 32,6% опрошенных потерпевшие привлекают адвокатов очень редко. По мнению 35,5% респондентов, потерпевшие чаще не привлекают адвоката (чем привлекают), 18,4% опрошенных отметили, что, по их мнению, потерпевших, привлекающих и не привлекающих к своей защите адвокатов, примерно равное количество. В практике только 2,1% респондентов потерпевшие привлекают адвоката почти всегда, а 9,9% судей отметили, что потерпевшие чаще привлекают адвоката для защиты своих прав, чем не привлекают. Вместе с тем участие адвоката в качестве представителя потерпевшего позволяет последнему не только более успешно реализовывать защиту своих прав и законных интересов, но и снизить повторную психическую травматизацию (вторичную виктимизацию) потерпевшего от столкновения с ситуацией травмирования [11].

ТИЮП имеет ряд преимуществ как для жертв преступлений, так и для их юридических представителей. Было подтверждено, что ТИЮП уменьшает долгосрочное воздействие психологической травмы и усиливает чувство благополучия у жертв, участвующих в судебных процессах. При комплексном подходе ТИЮП может не

только снизить риск повторной травматизации, характерной для жертв, вовлеченных в судебные разбирательства, но и дать возможность жертвам найти поддержку, необходимую для исцеления, повышения резилентности (психологической устойчивости) и восстановления веры в мир и людей [8].

С позиции ТИЮП адвокатам необходимо хорошо понимать интересы своего клиента и активно их отстаивать, используя права, которыми обладает представитель потерпевшего на основании статьи 59 Уголовного кодекса Республики Беларусь. В частности, обязательно присутствовать при проведении любых процессуальных действий, которые осуществляются органом уголовного преследования с участием потерпевшего. Адвокат должен знать проблемы, с которыми может столкнуться его клиент при взаимодействии с органами, ведущими уголовный процесс, не допускать нарушения прав потерпевшего и использования при общении с ним неадекватных, пагубных или повторно травмирующих методов.

В мнениях анкетированных судей относительно нуждемости потерпевших от насильственных действий в обязательной помощи адвоката выявилось статистически значимое различие ($\chi^2=69,6$; $p<0,001$). Так, 73,0% респондентов ответили, что в обязательном привлечении адвоката нет необходимости, если она возникает, то потерпевшие сами могут пригласить адвоката. В свою очередь 22,7% респондентов указали на то, что адвокат необходим, поскольку в связи с перенесенным стрессом большинство потерпевших не могут сами полноценно отстаивать свои права и пытаются побыстрее разрешить ситуацию (даже во вред себе). Вместе с тем кроме самого стресса существуют и симптомы стрессовых расстройств (и не только стрессовых, но и других психических расстройств), юридическая неграмотность, финансовое неблагополучие потерпевших, что в совокупности не позволяет последним самостоятельно и эффективно отстаивать свои права и законные интересы.

Что касается финансовой стороны вопроса, то кроме привлечения адвоката за счет государства или за счет потерпевшего существует еще один вариант реализации этого предложения, а именно путем обеспечения оплаты юридических услуг за счет особого финансового фонда. Более половины судей (56,7%; $\chi^2=10,4$; $p=0,002$) положительно отнеслись к идее создания специализированного фонда финансовой помощи потерпевшим. Этот фонд может обеспечить не только оплату юридической помощи адвоката, но и оказание качественной психологической, медицинской, социальной помощи и других ее видов, а также возмещение иных необходимых расходов. Идею создания такого фонда уже на протяжении многих лет пытается продвигать Следственный комитет Республики Беларусь [12].

Следующий вопрос к судьям касался необходимости внедрения правовых норм, которые бы позволяли максимально сократить участие потерпевшего в уголовном процессе с целью избежать риска его повторного (дополнительного) травмирования. Более половины ($\chi^2=34,1$; $p<0,001$) респондентов (65,2%) отнесли к этой идее отрицательно, поскольку считают, что подобные нормы усложнят судебно-следственную практику. Положительно к указанной идее отнеслись 29,8% опрошенных.

Вместе с тем уголовные расследования могут стать одним из основных моментов повторной травматизации жертв преступления. Это происходит чаще всего там, где существует недоверие между потерпевшим и правоохранительной системой, где стереотипы и предвзятость могут пронизывать следственные действия. Юристы, представляющие интересы жертв, могут сыграть важную роль в защите интересов

клиентов на протяжении всего процесса расследования, при принятии решений в суде [8].

Очередной вопрос был посвящен оценке соответствия правовой категории «моральный вред» современному состоянию науки и практики. Среди респондентов преобладал ответ ($\chi^2=20,7$; $p=0,01$) «Правовая категория морального вреда полностью выполняет свою функцию и в доработке не нуждается» (58,9%). Далее по частоте следовали ответы: «Правовая категория морального вреда требует незначительной доработки» (31,7%), «Правовая категория морального вреда требует глобального переосмысления» (8,5%).

Авторам настоящей статьи представляется, что если даже малая часть потерпевших от насилия людей не заявляет иск о моральном вреде или заявляет, но не получает адекватной в финансовом отношении компенсации своих страданий, то такая ситуация нуждается в корректировке.

Само название данной юридической конструкции – моральный вред – представляется несколько неудачным, поскольку в общественном дискурсе этот термин наделен скорее философским смыслом и не отражает психических страданий человека. Такое понимание указанного термина может ставить в тупик потерпевших, когда на предварительном следствии или в судебном заседании о наличии у них морального вреда спрашивает следователь, прокурор или судья. Кроме того, существует научная психолого-психиатрическая концепция морального вреда, которая в полной мере соответствует своему названию (нарушение собственных ценностей, которое приводит к страданиям), в отличие от обсуждаемой нами отечественной правовой категории [14–18].

В связи с вышеизложенным и был задан вопрос судьям о том, целесообразно ли отечественную правовую категорию «моральный вред» заменить на принятую в мировом медицинском сообществе конструкцию «психическая травма» [19–24]. Большая часть (80,9%) опрошенных не сочла целесообразным что-либо менять. Вторая по количеству ответов часть респондентов (14,2%) посчитала, что необходимо использовать термин «психическая травма» и положительный зарубежный опыт в данном вопросе с учетом национальных медико-правовых традиций. «Нужно заменить только название на более соответствующее – "психическая травма"», – так ответили 3,5% респондентов.

Не менее важным моментом является определение круга специалистов, на основании компетентного мнения которых судом будет приниматься решение о наличии и выраженности психической травмы (морального вреда), а также решение о наличии или отсутствии причинно-следственной связи между преступлением и психической травмой. Большинство опрошенных ($\chi^2=150,6$; $p<0,001$) считают, что для принятия таких решений достаточно медицинских документов и внутреннего убеждения судьи (79,4%). Далее следовали ответы: для таких целей необходимо привлечь судебного психиатра и/или психолога (6,4%); специально подготовленного специалиста, имеющего соответствующую лицензию (5,0%); любого специалиста сферы охраны психического здоровья (4,3%). Полагаем, что привлечение квалифицированных психиатров и психологов является обязательным условием обеспечения всестороннего и объективного судебного разбирательства с целью установления наличия психической травмы и степени ее выраженности.

Весьма важным является дифференцированный подход к оценке выраженности психической травмы, что непосредственно связано с попыткой выделения ясных, четких и справедливых подходов к определению суммы денежной компенсации потерпевшим. Мнения судей разделились поровну по поводу дифференциации психической травмы на «ординарную психическую травму» (эмоциональные переживания при отсутствии диагноза психического расстройства в результате преступления) и «психическую травму» в виде психического расстройства (при установлении соответствующего диагноза). Поддержали идею 50,4% участников анкетирования, не поддержали 47,5% респондентов, ответив: «Такое разделение не подходит, травма либо есть (психическое расстройство), либо ее нет». Последняя позиция, на наш взгляд, несколько обесценивает перенесенные человеком страдания, которые не достигают по своей выраженности степени психического расстройства. Безусловно, максимально дифференцированная оценка позволит наиболее точно определить сумму компенсации и алгоритм ее вычисления, но на начальном этапе предложенная классификация будет являться значимым шагом в указанном направлении.

Далее был задан вопрос о том, должна ли «ординарная психическая травма» (эмоциональные переживания без развития психического расстройства) быть априорной нормой при любом преступлении. Мнения разделились почти поровну: 45,4% ответили отрицательно, пояснив, что любую психическую травму необходимо доказывать. Высказались за внедрение априорной нормы в виде наличия психической травмы у потерпевшего по умолчанию даже при незначительном преступлении 51,8% респондентов. Авторам настоящей статьи ближе вторая позиция, поскольку, на наш взгляд, ее реализация будет способствовать укреплению справедливости и гуманности белорусского правосудия.

Продолжая тему дифференциации психической травмы, было выяснено отношение представителей судейского сообщества к созданию и внедрению в рамках отечественного законодательства унифицированного перечня компенсаций в соответствии с видами совершенных в отношении потерпевших преступлений при наличии «ординарной психической травмы». Отрицательно отнеслись к этой идее 76,6% респондентов ($\chi^2=77,7$; $p<0,001$), поскольку «в каждом случае нужно всегда разбираться отдельно», 23,4% опрошенных отнеслись положительно, так как «это значительно поспособствует обоснованному и четкому правоприменению». Полагаем, что такой подход позволит обеспечить денежную компенсацию всем людям, перенесшим негативные переживания от совершенных в их отношении правонарушений, а также позволит избежать диспропорции в размерах компенсации по одинаковым преступлениям.

Затем был поставлен вопрос о том, каким образом следует выплачивать компенсации потерпевшим, у которых будет установлена психическая травма в виде психического расстройства. Мнения респондентов разделились следующим образом: 52,5% считают, что в таком случае необходимо выплачивать единовременную денежную компенсацию, установленную в унифицированном перечне компенсаций, а также возмещать расходы на оплату лечения потерпевшего у специалистов сферы психического здоровья. Отрицательно отнеслись к данной идее 43,3% респондентов.

Следующий вопрос был связан с тем, что зачастую психическая травма у потерпевшего возникает не в результате преступления, а в результате комплекса причин, в том числе следственных и судебных действий (повторяющийся стресс в виде

напоминания о случившемся, ретравматизация). Более половины опрошенных (60,3%) указали на то, что поскольку именно обвиняемый запустил каскад всех событий (совершил травмирующее действие), то он в полной мере является ответственным и должен возмещать причиненный вред. Вторая часть респондентов (36,3%) посчитала, что необходимо отделять последствия воздействия самого правонарушения на психику потерпевшего от сопутствующих факторов. Между мнениями респондентов по этому вопросу выявлены статистически значимые различия ($\chi^2=12,7$; $p<0,001$).

Следующий блок вопросов касался оценки достоверности психической травмы с учетом возможности проявления потерпевшим симуляции или аггравации. Более половины респондентов (65,2%) посчитали психиатрическую оценку достаточно достоверной, вторая часть респондентов указала на то, что требуются дополнительные инструменты оценки возможной симуляции (43,7%). Выявлены значимые различия в мнениях по указанному вопросу ($\chi^2=31,4$; $p<0,001$).

Далее было установлено, что большая часть судей положительно относится к внедрению специализированных тестовых методик для установления факта наличия психической травмы – 58,9% ($\chi^2=11,1$; $p<0,001$), а также к внедрению айтрекинга (инструментальный метод, основанный на фиксации реакций зрачка и движения глаз) – 52,5% ($\chi^2=4,6$; $p=0,03$).

Весьма важным является и вопрос о том, кто и как должен устанавливать факт элиминации психической травмы (излечения), если травма была в форме психического расстройства. В 63,1% случаев ($\chi^2=60,5$; $p<0,001$) судьи ответили, что факт выздоровления должен устанавливать специалист сферы психического здоровья, который занимается непосредственным лечением потерпевшего (во внесудебном порядке). В 17,0% случаев опрошенные указали, что для этой цели должна быть создана специальная межведомственная комиссия (психиатр, юрист, психолог и т. д.), третья группа респондентов (12,8%) считает, что факт выздоровления (значительного улучшения) должен устанавливаться в судебном порядке (на основании заключения специалиста, осуществлявшего лечение, или межведомственной комиссии).

■ ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты анонимного анкетирования судей показали, что в соответствии с их практическим опытом значительная часть потерпевших от насильственных действий самостоятельно не заявляет иски о компенсации морального вреда. При этом часть опрошенных представителей судейского сообщества видит необходимость совершенствования обсуждаемой правовой категории. Значимо большая часть опрошенных положительно относится к внедрению специализированных тестовых методик для подтверждения опыта перенесенной психической травмы, а также к внедрению инструментальных методов (айтрекинга) с этой же целью. Кроме того, судьи поддержали идею создания специализированного фонда финансовой помощи потерпевшим (для оплаты психологической, медицинской, социальной, юридической помощи и иных расходов).

■ ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

1. Skugarevsky O., Ostynko Yu., Dukorsky V. On the way from moral damage to mental trauma. *Judicial Bulletin*. 2021;1:62–66. (in Russian)
2. Skugarevsky O., Evukhovich E., Dukorsky V. Perspectives of the medical and legal category «psychological / psychiatric injury» within the framework of domestic medical and legal reality. *Law and order*. 2022;63(3):60–63. (in Russian)
3. Skugarevsky O., Mistiukevich D., Dukorsky V. Pre-trial investigation and psychological/psychiatric injury in victims of crime. *Preliminary Investigation*. 2023;1(13):22–26. (in Russian)
4. Ostynko Yu., Dukorsky V., Kamenskov M. The diagnostic value of eye-tracking for forensic psychiatry and sexology. *Forensic Examination of Belarus*. 2023;1(16):47–52. (in Russian)
5. Skugarevsky O., Golubovich V., Ostianko Yu., et al. Moral damage vs. psychological/psychiatric injury: analysis of the position of forensic psychiatrists and forensic psychologists. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2024;15(1):119–128. (in Russian)
6. Dukorsky V., Zaitseva L., Ostianko Yu., et al. Moral damage caused by a crime or psychological/psychiatric injury: analysis of the prosecutors' position. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2024;15(3):370–378. (in Russian)
7. Dukorsky V., Zaitseva L., Ostianko Yu., et al. Moral damage caused by a crime or psychological/psychiatric injury: analysis of the investigators' position. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2024;15(4):479–488. (in Russian)
8. Psihologicheskaya travma: rukovodstvo po travmainformirovannoj yuridicheskoy praktike dlya yuristov, rabotayushchih so vzroslymi zherstvami narushenij prav cheloveka. Midsksekij universitet: 2022. (in Russian)
9. Blix I., Glad K.A., Undset A., et al. 'My child could have died': counterfactual thoughts and psychological distress in parents of trauma survivors. *European Journal of Psychotraumatology*. 2024;15(1):2326736. DOI: 10.1080/2008066.2024.2326736
10. Wilcoxon L.A., Meiser-Stedman R., Burgess A. Post-traumatic Stress Disorder in Parents Following Their Child's Single-Event Trauma: A Meta-Analysis of Prevalence Rates and Risk Factor Correlates. *Clinical Child and Family Psychology Review*. 2021;24(4):725–743. DOI: 10.1007/s10567-021-00367-z
11. Zaitseva L. Restorative justice – an alternative to criminal prosecution. In: *Judicial practice in the context of the principles of legality and law*. Minsk: 2006. Pp. 298–306. (in Russian)
12. Bushkevich N.S. On the feedability of creating a state targeted off-budgetary fund for compensation of harm to victims. *Preliminary Investigation*. 2018;2(4):82–86. (in Russian)
13. Dukorsky V., Skugarevsky O., Ostianko Yu., et al. Psychological and psychiatric concept of moral injury. *Psychiatry, Psychotherapy and Clinical Psychology*. 2024;15(2):226–231. (in Russian)
14. Jameton A. *Nursing practice: the ethical issues*. New York: 1984.
15. Shay J. *Achilles in Vietnam: Combat Trauma and the Undoing of Character*. New York: 2010.
16. Griffin B., Purcell N., Burkman K., et al. Moral injury: An integrative review. *Journal of Traumatic Stress*. 2019;32(3):350–362. DOI: 10.1002/jts.22362
17. Farnsworth J.K., Drescher K.D., Nieuwsma J.A., et al. The role of moral emotions in military trauma: Implications for the study and treatment of moral injury. *Review of General Psychology*. 2014;18(4):249–262. <https://doi.org/10.1037/gpr0000018>
18. Shay J. Moral injury. *Psychoanalytic Psychology*. 2014;31(2):182–191. <https://doi.org/10.1037/a0036090>
19. Young G. Trends in Psychological/Psychiatric Injury and Law: Continuing Education, Practice Comments, Recommendations. *Psychol. Inj. and Law*. 2010;3(4):323–355. DOI: 10.1007/s12207-010-9092-x
20. Koch W.J., Kevin S.D., Nicholls T.L., et al. *Psychological Injuries: Forensic Assessment, Treatment and Law*. New York: 2006.
21. Young G., Nicholson K., Kane A.W. *Causality of Psychological Injury*. New York: 2007.
22. Association for Scientific Advancement in Psychological Injury and Law. Available at: Asapil.net (accessed: 19.12.2023).
23. Psychological Injury and Law Journal. Available at: asapil.net/psychological-injury-and-law-journal (accessed: 19.12.2023).
24. Vilariño M., Arce R., Fariña F. Forensic-clinical interview: reliability and validity for the evaluation of psychological injury. *The European Journal of Psychology Applied to Legal Context*. 2013;5(1):1–21.